

Серия «Люди земли Мелеузовской» Выпуск 3

Городская юношеская библиотека № 3

Это было
недавно,
это было
давно...

*Мы все однажды уезжаем
В свой путь, влекомые судьбой.
Но никогда не забываем,
Где родились и дом родной.
Да разве корни ты отрубишь?
Там всё росло, тебя любя.
И дом родной свой не забудешь,
Где начиналась жизнь твоя...*

Александр Неткачев-Кайль

К читателю

У каждого населённого пункта, будь то современный мегаполис или небольшая, затерявшаяся на просторах России деревушка, есть своя история, памятные даты, исторические вехи и, конечно, свои юбилеи. Вот и наш родной город отмечает в этом году два значимых для мелеузовцев события – 250-летие Мелеуза и 90-летие Михаила Григорьевича Пильнова – почётного гражданина Мелеуза, летописца истории города, участника Великой Отечественной войны.

В очередном выпуске дайджеста читатель найдёт материалы, посвящённые этим датам: статья «Дороги из прошлого» о событиях, предшествовавших появлению на тракте Уфа – Оренбург почтовой станции с причудливым названием – Мелеуз, и повествования о М. Г. Пильнове «Маленькая история большого фильма» и «Родник из военного детства».

Жизнь сталкивает нас с людьми старшего поколения, прожившими разные судьбы, сложные, интересные, трагические, неординарные... Если рассказать каждую из них, можно написать историю не только Мелеуза, но и историю нашей страны, историю не официальную, а живую, близкую, жизненную.

Конечно, мелеузовцев с незаурядными биографиями много и не представляется возможным все их пересказать. Но мы стараемся выбрать не только самые яркие, но и самые типичные, характерные для времени или поколения. Такова, например, судьба семьи Шиблевых, представленная в дайджесте. Но и жизненный путь Г. П. Вдовыкина, нашего земляка, учёного с мировым именем, думается, небезынтересна для современных мелеузовцев.

Любой материал, предложенный читателю, пишется не в одночасье. Долго и кропотливо идёт сбор воспоминаний, изучение семейных архивов, архивов учреждений, предприятий, музеев... Особенно трудно найти доверительный контакт с людьми преклонного возраста. Только один очерк «Маленькая история большого фильма» потребовал провести поисково-исследовательскую работу, растянувшуюся почти на 2 года.

Пусть представленный труд – дайджест – небольшой по объёму, но он огромен по проделанной работе. Поэтому просим читателя отнестись с пониманием к предложенной информации.

В данном дайджесте очерки об удивительных людях расположены произвольно, по мере накопления и обработки материала. По читательскому назначению наша работа ориентирована не только на историков и краеведов, но и на работников культуры, образования, старожилов города, молодое поколение мелеузовцев, а также всем, кому интересна предложенная нами тематика.

Авторы благодарят за помощь в подготовке дайджеста директора Мелеузовского историко-краеведческого музея С. В. Семендяеву, администрацию автотранспортного предприятия-филиала ГУП «Башавтотранс» и сотрудников его музея. В частном порядке выражаем благодарность М. Г. Пильнову и его сыну Л. М. Пильнову, Р. К. Ибрагимову – председателю совета ветеранов АТП ГУП «Башавтотранс» (сын К. А. Ибрагимова – героя одного из очерков дайджеста), Н. Ф. Дрямову, одному из основателей любительской народной киностудии «Зёрнышко», О. А. Хлебниковой – библиотекарю городской юношеской библиотеки №3 и ряду частных лиц.

Отдельную благодарность выражаем Л. Н. Макеевой – ведущему библиографу центральной библиотеки.

Надеемся, что Вас, читатель, не оставят равнодушными факты, события, судьбы, предложенные на страницах дайджеста. Итак, на следующей странице Вас ждут большие и маленькие открытия... В добрый путь!

Дороги из прошлого (Основание Мелеуза)

У каждого у нас есть свои юбилеи и памятные даты. Имеются такие исторические отметины и у городов. Наш Мелеуз в этом году отмечает славную дату – своё 250-летие. Что же предшествовало появлению населённого пункта на месте слияния рек Мелеузки и Агидели? Что было здесь много лет назад? А была здесь раздольная ковыльная степь, которую заполняли орды монголо-татарских воинов, вели мирное кочевье башкирские племена, возникали дороги, промыслы, жили люди другой эпохи. Что мы знаем о них, о тех давно минувших временах? Увы, немного. Давайте вместе совершим путешествие в далёкое прошлое Мелеуза, заглянем в глубь веков...

Тишина и безмятежный покой воцарились над южно-уральской степью в начале XVIII века. Шелковистым ковылём и цепкой чилигой зарастали сарматские курганы.

Рождались и уходили в вечность новые поколения степных кочевых народов. Тишина и покой, мир и безмятежность... Лишь изредка мелькнёт где-нибудь в степи кучка всадников в высоких войлочных колпаках, да ненароком встретится в степной шире войлочная юрта с пасущимися отарами овец, табунами лошадей.

Если встать на курган и, приложив над глазами руку, вглядеться в бесконечную даль, можно заметить редкое оживление на старой дороге, проложенной ногайскими кочевыми племенами. Башкирская Ногайская дорога шла по правому берегу реки Белой от Уфы, через Табынск и, далее, уходила через современный юг Башкирии, Казахстан к Аральскому морю. Здесь редко когда можно встретить одинокого путника, всадника или телегу. Ногайская

Фрагмент карты Ногайской дороги 1755 года

дорога в районе нынешнего Стерлитамака пересекала реку Белую и уходила в районе Верхотора к Бугульчану, где обратно переходила реку. Для пересечения реки Белой ежегодно возводились мосты на сваях, пользовались бродами. Естественно, эта дорога была без постоянных дворов и почтовых станций, которые были созданы позднее.

Царским указом 1744 года губернатору Оренбургской губернии предписывалось организовать «ямскую гоньбу» из Уфы в Оренбург. В этом случае дорога обустроивалась ямскими станциями и уже в 1745 году по оборудованной дороге пустили почтовые и пассажирские экипажи... Но на месте нынешнего Мелеуза почтовой станции или извозчичьей остановки пока нет.

Вполне вероятно, что одновременно с почтовыми ямами организовывались и постоянные дворы. Они существовали раздельно и одновременно, поскольку предназначение их было у каждого своё.

Неторопливо, размеренно текло время... Привольная башкирская степь исходила июльским маревом, цвела весной и жухла осенью, зимой прятала следы и травы под снежными барханами, завывала безрадостно и уныло, а могла порадовать звенящим безмолвием и обманчивой безмятежностью, умиротворением. Но, суждено было нарушить этот покой скрипом телег, ржанием лошадей, ленивой речью извозчиков, перевозивших ценный груз – соль.

Во все времена, наряду с хлебом, повышенным и постоянным спросом пользовалась соль. Соль в России всегда была в дефиците, её дорого ценили, берегли, экономили. В начале XVIII века, вследствие монополизации, в 1732 году государством соляных месторождений и после оренбургской экспедиции Ивана Кирилова 1734-1736 годов, была начата государственная заготовка и вывоз соли из соляных рудников Илецка.

По донесению оренбургского губернатора Ивана Неплюева в 1744 году: «Отправление илецкой соли возможно водою, других ближайших способов нет, как через Белую, в Каму, в Волгу. А от Илецкой защиты (рудников – авт.) около 200 вёрст сделать судовую пристань, не упуская внешней поллой воды, нагружать соль в суда». Так доставлялась соль на Нижегородскую ярмарку с пристани Бугульчан, где соль до весеннего половодья хранилась в амбарах.

В 1766 году пристань решено перенести близ Ашкадарского яма, у слияния рек Sterля, Ашкадар и Белая. Новая пристань названа Sterлитамакской. Соль стали возить гужевым транспортом из Илецка в Sterлитамак, а по пути, через каждые 25-30 вёрст создавались извозчицьи остановки. Среди извозчицх станций, в промежутке от 1764 по 1770 годы появился и Мелеуз. Трудно установить год его основания, ибо нет документов, прямо указывающих на этот факт. В Бугульчане, где уже в 1764 году было 24 двора, часть населения потеряла работу, надо думать, это тоже было одним из обстоятельств появления нового поселения – извозчицхй остановки на реке Мелеуз по пути в Sterлитамак. Вот почему все эти обстоятельства в совокупности убеждают нас в возможности основания Мелеуза одновременно или вслед за Sterлитамаком в 1766 году. Так для вывоза соли из Илецка была оборудована новая дорога.

Новая дорога хоть и была протяжённее Ногайской по верстам, но предпочтительнее, т. к. не пересекала Белую. Но обе дороги оставались действующими. Пока можно только предполагать, что по новому маршруту до 1766 года какая-то дорога была, скорее проезжая, поскольку нереально было пользоваться старой дорогой с двукратным пересечением Белой в весеннее и осеннее половодье.

**Здание бывшего этапного дома
Фото 1965 г.**

Следовательно, во второй половине XVIII века действуют две дороги: старая Ногайская и новая соляная.

Позднее, по указу Екатерины II, для того, чтобы ямщики и извозчики не сбились ночью или в зимнюю пургу с дороги, новый тракт с обеих сторон засадили берёзами в несколько рядов, а обочины обложили камнем. Возможно, поэтому дорогу так же называли и Екатерининской.

Дорога, тракт... Перед дальним странствием остановимся и прислушаемся к печальной песне ветра, колышущего волны степного разнотравья. Тишина, приволье и ширь, безбрежная даль, покой и умиротворение царят на бескрайних просторах башкирских степей. Но вот принёс ветер тоскливый кандалный звон цепей каторжан, а, может, это их заунывная песня. Или это звенит в знойном воздухе ковыль, или пурга да метель стелют снежный покров над одинокими могилами вдоль тюремного этапа...

После подавления Пугачёвского восстания, Екатерининский тракт получил ещё одно печальное название – каторжный. Прошёл этап каторжан, улеглась дорожная пыль или снежная морось, и опять тихо в степи. Этапная дорога из Уфы в Оренбург тянулась далее до Иркутска, в Сибирь. Вдоль этапного пути строились и пересыльные тюрьмы – этапные дома. Такой дом появился и на почтовом яме Мелеуз. Был он первоначально деревянным, прослужил более века и сгорел. В 1878 году пересыльную тюрьму отстроили из кирпича. Это был первый каменный дом в Мелеузе.

Итак, в 1766 году на тракте Уфа – Оренбург появляется почтовый ям Мелеуз. Но это уже совсем другая история...

Академик из глубинки (Геннадий Петрович Вдовыкин)

Башкирская степь... Широкая, привольная, с бескрайним морем разнотравья и ковыля. С трудом верится, что когда-то здесь стояли деревни с садами, выпасами, погостами... Сгинули без следа поселения, затерялись в миру и людские судьбы. Когда-то, с конца 19-го до середины прошлого века, в Фёдоровском районе жила такая деревенька, с красивым русским названием Веровка. Крестьяне пахали землю, сеяли хлеб, растили детей... А по вечерам, наверное, пели душевные народные песни, слушали старинные сказы, внимали стихам земляка Василия Наседкина, поэта-лирика, друга и родственника С. Есенина.

Здесь, в далёком грозном предвоенном времени, в 1937 году, жарким августовским полднем, 23 числа, появился на свет Геннадий, второй сын в семье Вдовыкиных.

Отец, Пётр Васильевич, урождённый Удовенко, чьи предки с Полтавщины. Фамилия русифицирована на Вдовыкин. Мать – Чурикова Анастасия Васильевна. Так просто и прозаично началась жизнь Геннадия Петровича Вдовыкина.

Жизнь в доме Вдовыкиных не заладилась, жили недружно. Отец уходил из семьи, возвращался, и... опять уходил. Не выдержала Анастасия такого унижительного отношения к себе и детям, и, будучи в положении, украдкой сбежала с детьми в соседнее село Мелеуз, к сестре Акулине. Первое время Вдовыкины жили у родственников, а затем, брат Насти Никифор Васильевич Чуриков, директор автотранспортных мастерских, помог приобрести маленький домик по улице Левонабережной. Хотя и старенький домишко, но свой. Здесь Анастасия с сыновьями Василием и Геннадием чувствовали себя независимо и спокойно. Напротив их жилья располагался детский сад (впоследствии, в этом помещении будет татарская школа, православный молебный дом).

А уже 1 января 1940 года на свет появилась Аля. Отец, Пётр Васильевич, дочери не признал – лишний рот – лишние алименты. Да и на сыновей платить уклонялся.

Г. П. Вдовыкин

П. В. Вдовыкин (слева)

**Анастасия Васильевна
Вдовыкина (Чурикова)**

Но вскоре Анастасия устроилась работать в коммунальное хозяйство, с Алей и Геной сидел старший Василий, и жизнь стала налаживаться.

Воистину: человеческая жадность и подлость не знают границ. Чтобы не платить на мальчиков алименты, Пётр решает забрать их к себе, в новую семью. Разыскав Настю, то ли уговорами, то ли угрозами, что она не прокормит детей, то ли хитростью, отбирает у неё Василия и Геннадия. Так мальчики стали жить в чужой семье, да ещё и далеко от матери – в Белебее. Как им жилось, можно только догадываться. Но факты – вещь упрямая: Анастасия получает письмо. Конверт с незнакомым почерком, обратный адрес – Белебей. У матери дрожали руки, не слушались пальцы, открывая письмо. А в голове страх и ужас: что с детьми? Письмо действительно было об её детях, где соседка Петра Васильевича, видимо, добрая женщина, пишет о тяжелом и невыносимом

положении мальчиков.

Бессонная ночь, душевная боль... И вдруг – стук в окно. На дворе зима, лютует мороз и вьюга, а Настя, даже не накинув шубейки, босиком, выбежала в сенцы, открыла дверь... На пороге стоял сын Вася. И только материнским сердцем она узнала сына – закутан в лохмотья, в снегу. А глаза жалобно и тоскливо просили: не прогони. Девятилетний ребёнок прошёл 170 километров из Белебея до Мелеуза! Отогрев и накормив ребёнка, Настя услышала от Василия страшную правду о немилосердном отношении к детям в новой семье Петра. Василий подтвердил слова соседки в письме. Времени на раздумья не было. Анастасия принимает твёрдое решение: вернуть Гену.

По утру, по ещё непротоптаным тропкам, она, прижав к груди Алевтину, бежит к сестре Акулине. С порога, в слезах, сбивчиво рассказывает о случившемся и, оставив младенца на попечение семьи сестры, на перекладных едет, а где и идёт пешком в Белебей. Настя ещё не знала, как заберёт сына, но была уверена: без Гены не вернётся.

Пётр Васильевич Вдовыкин

В Белебее находит дом Вдовыкиных, но постучалась не к ним, а к соседке, которая и написала письмо. Добрые люди приютили несчастную женщину и вместе несколько дней вели наблюдения за семьёй Петра. И вот, выбрав момент, вечером, в темноте, Настя стучится в ворота дома, где жил Пётр с новой семьёй. Открывать вышел Гена, в одной рубашонке, в калошах на босые ноги. И, как только открылась калитка, Настя набросила на сына тулуп, сгребла трёхлетнего ребёнка в охапку, бросила на сани. А сосед, натянув вожжи, сорвал с места сани и помчал к железнодорожной станции. По дороге мать постоянно просовывала руку в тулуп – жив ли Гена. Почувствует тепло и учащенное дыхание мальчика и успокоится. Действительно, русская женщина коня на скаку остановит! Сосед посадил беглецов на поезд, идущий до Мелеуза. Кто теперь вспомнит имена этих добрых людей, умеющих, рискуя своим благополучием, помочь незнакомому человеку...

Истинно, не оскудеет земля русская добродетелью людскою.

Пётр хватился сына поздно вечером. Прибежал и к соседям. Соседи, не подав и виду, что в курсе пропажи мальчика, как бы ненароком обронили, что видели женщину, увозившую Гену на подводе с лошадьми. Пётр всё понял.

Настя подала заявление на взыскание алиментов с отца детей. Но Пётр уклонялся, то платил, то не платил. Дочь Алё так и не признал своей, за что Алевтина Петровна и до сих пор, будучи уже в преклонном возрасте, не простила отца. Когда девочке было 6 лет, она, слыша постоянно в свой адрес «незаконнорождённая», прибежав к матери со слезами, задала вопрос: за что её так дразнят? Мать упала на колени перед дочерью, и, перекрестившись на икону, сказала, что её отец – Пётр. Алё поверила матери и больше никогда эту тему не поднимала. Надо отметить, что в доме Анастасии Васильевны всегда были иконы, не смотря на советскую атеистическую пропаганду. Настя и детей воспитала в духе веры, веры в добро, справедливость, в хороших людей.

Много лет позднее, Геннадий Петрович, работая над своей родословной, найдёт отца и его вторую семью, уговорит Алевтину съездить и познакомиться с новыми родственниками. Алё согласилась неохотно, только ради любимого брата, который её вынуждал и которого она сильно уважала. Видимо, Геннадий смог простить отца.

Знакома меня с семейным архивом, показывая фотографии, каждый документ Алевтина Петровна комментирует. Она всё прекрасно помнит: и имена, и даты, и факты. Даже мельчайшие подробности рассказывает, будто это было вчера. Удивительная женщина! Конечно, в одном очерке не опишешь всего, что услышано и записано при встречах с Алевтиной Петровной. Но, безусловно, если вам доведётся с ней поговорить, вы получите удовольствие узнать много интересного из истории её семьи. И всё это рассказано по-доброму, с эмоциями и личными впечатлениями. Общение с такими людьми делает нас душевно богаче, добрее. Но вот под руку Алевтины Петровны попадает фотография, где Геннадий и она стоят рядом с детьми отца от второго брака. «Не хочу эти фото даже в руки брать, храню ради Гены, он мне их оставил», - комментирует своё пренебрежение хозяйка дома и отодвигает фотографии.

«Мы с Геной были связаны очень крепко, друг без друга не могли. К каждому празднику Гена присылал весточку, когда ещё не болел, каждый год приезжал», - вспоминает сестра Геннадия Петровича, - «Я ждала его писем, открыток. В ответных посланиях рассказывала все мелеузовские новости. Гена искренне интересовался делами в городе, родственниками».

Но вернёмся в прошлый век. Год 1941-й. Петра Васильевича Вдовыкина призывают на фронт, откуда он вскоре вернётся с серьёзным ранением и без ноги. Но вернётся не к Насте и их детям, а в другую семью. Так свидание с отцом у Василия, Геннадия и Алевтины отложится ещё на много лет.

Г. Вдовькин
(внизу)

Г. П. Вдовькин, 7 класс

**Г. Вдовькин
студент**

Г. П. Вдовькин (слева)

Г. П. Вдовькин (верхний ряд в центре)

Анастасии в военные годы пришлось нелегко. Ведь кроме своих детей она приняла в семью сына сестры – Василия Дёмочкина. Сестра умерла в 1943 году, её муж погиб на фронте. Остались двое сыновей. Старшего Фёдора приютила другая сестра Насти – Акулина. Впоследствии Василий Михайлович Дёмочкин всю жизнь будет помнить добро, поддерживать родственные связи с Вдовыкиными. Всегда звал в гости в город Куйбышев (ныне Самара), где жил. Алевтина ездила повидаться с двоюродным братом, ведь детство у них прошло под одной крышей.

Но вот в 1945 году старшему сыну Анастасии Василию исполнилось 14 лет. И, как подобает настоящему мужчине, он принимает решение: оставить школу и идти работать, чтобы прокормить семью. В военные и послевоенные годы дети выросли рано, нужда и голод заставляли их принимать взрослые, самостоятельные решения, делать взрослые поступки. Василий решительно и серьёзно заявил матери: «Мама, не разыскивай больше отца для уплаты алиментов. Мы теперь проживём самостоятельно – я пойду работать и буду помогать тебе».

И, опять же, благодаря помощи брата Насти - Никифору Васильевичу Чурикову – директору АТМ, Вася встаёт к токарному станку в авторемонтных мастерских. Василий имел твёрдый характер и большую волю, но малый рост. Никифор Васильевич сам подставил под ноги мальчика 2 ящика. И судьба Василия Петровича Вдовыкина была решена. Много лет он проработает здесь, кормя семью. А Геннадий, учась на «отлично» в семилетке, смотрел за малолетней сестрой, очень много читал, посещал библиотеку, планетарий,

рисовал. Геннадий вообще был разносторонне одарённым. Мог грамотно вести дискуссии, убеждать, умел найти подход к людям. Хорошо рисовал. Любил по несколько часов проводить за чтением книг, нравилось учиться, познавать новое.

Был у Геннадия закадычный друг, сосед, Иван Бондарев. Вместе ходили в библиотеку, обсуждали прочитанное, спорили. Позже, через много лет, Геннадий Петрович и Иван Маркович будут встречаться в Москве. Два именитых учёных – геолог и историк, как дети, взявшись, будут вспоминать детство, родные места, отдыхать душой.

В детстве, до окончания с отличием семилетки, Гена предпочитал интеллектуальный отдых. Его не привлекали увлечения сверстников футболом, озорства ради налёты на чужие сады, мальчишечьи драки. Не признавал Гена и уличные забавы - игры в козны, кулюкушки, бабки.

Жили небогато, но дружно. Одежду, из которой вырос Василий, донашивал Гена, а после ещё она перешивалась для Али. Не без помощи брата Насти Никифора, семья переселяется в новый дом по улице Смоленской. К радости Анастасии Васильевны и всех родственников, в 1951 году Гена с отличием заканчивает семилетнюю школу в Мелеузе и серьёзно настроен на дальнейшую учёбу.

Добрый совет Геннадию даёт его двоюродный брат Николай Чуриков, к тому времени уже окончивший институт и работающий в Уфе. Николай Никифорович рекомендует Геннадию поступить в Уфимский геологоразведочный техникум. Гена с волнением ждал разговора с мамой – одобрит ли? Диалог начал решительно:

-- Мама, я решил: поеду поступать в геологический.

-- Я малограмотная, сынок, думай и решай сам.

Геннадий знал, что маме удалось закончить только училище в селе Шарлык в 1917 году, продолжить учёбу у неё не было возможности.

Геннадий Вдовыкин стал студентом. Как всегда, в зачётной книжке только «отлично». После окончания техникума, в 1955 году, Геннадий опять подошёл к матери:

-- Мама, я буду поступать в институт, в Москву.

-- С Богом, сынок.

Так решалась судьба будущего крупного российского учёного.

Конечно, геологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, был окончен с отличием и Геннадий Петрович полностью посвятил себя научной работе.

С 1960 года опубликовано 400 научных статей, 50 монографий. Его работы послужили основанием для формирования новых областей наук: космохимии углерода, органической космохимии, экзобиологии, нефтегазовой геологии регионов и других. Г. П. Вдовыкин работал в Московских научно-исследовательских институтах, преподавал в Московском нефтяном университете им. И. Губкина.

Геннадий Петрович – доктор геолого-минералогических наук, профессор международной Академии наук и искусств, академик Российской экологической академии. Как геолог, он исследовал территории Башкортостана, Русской, Сибирской древних платформ, Предкавказья, Мангышлака, Украины.

Г. П. Вдовыкин

**Г. П. Вдовыкин и
И. М. Бондарев**

**Г. П. Вдовыкин
в научной лаборатории**

Г. П. Вдовыкин в своём кабинете

В 1958 году принял участие в открытии на Мангышлаке Узеньского и Жетыбайского нефтяных месторождений. В 1977 году – в открытии в Восточной Сибири Верхнечонского и Даниловского нефтяных месторождений. Кроме того, он известен как специалист по метеоритам. Им сделан научный вклад в экологию, отечественную историю, краеведение, историю науки и культуры. Фамилией Вдовыкина названа крупная система глубинных разломов к северу от озера Байкал,

закартированная учёным в 1977 году.

Геннадий Петрович Вдовыкин лауреат премии им. В. Вернадского РАН, член Международного научного общества по изучению происхождения живого вещества, член Международного социально-экологического союза. За многолетний добросовестный труд награждён тремя правительственными медалями. В 1999 году награждён медалью и дипломом Оргкомитета Международной выставки новых технологий в Бельгии. Председатель Международного биографического комитета «Центр Кембриджа» в Англии, Николас С. Лоу письменно известил Г. П. Вдовыкина, что ему присвоено почётное звание «Международный учёный года». В 2003 году он избран по почётным номинациям в число «2000 выдающихся интеллектуалов 21 века».

Солидный учёный, признанный не только в России, но и за рубежом, Геннадий Петрович остался простым и скромным человеком. Его жена, Татьяна, кандидат

медицинских наук, коренная москвичка и, как сказал Геннадий по секрету Алевтине, дальняя родственница И. Сталина, до конца была рядом с мужем. У них двое дочерей: Виктория и Ольга. Виктория с матерью два раза была в Мелеузе. Но, ни жена, ни дочери, не признавали мелеузовских родственников Геннадия «от сохи».

Геннадий Петрович рвался между Москвой, где семья, любимая работа и Мелеузом, где мать, родственники, родина, родная земля. Все всё понимали и тактично сглаживали ситуацию. Наверное, поэтому, Геннадий каждый год приезжал на свою малую родину. Анастасия Васильевна умерла в 1979 году.

Рабочий кабинет Г. П. Вдовыкина

Геннадий всегда ходил с Алевтиной на могилу матери на старом кладбище. Бывал часто он и на старом кладбище деревни Веровка, где похоронены его дед Василий Васильевич и дядя Тимофей Васильевич Чуриковы.

В каждый приезд в Мелеуз, будучи ещё студентом, Геннадий заходил в школу, к своим учителям Н. Ф. Хохловой, В. С. Бакурову. Когда удавалось вырваться в родной Мелеуз зимой, Геннадий любил покататься на лыжах, уговаривая и Алевтину пробежаться по лыжне.

Всегда посещал он и мелеузовский историко-краеведческий музей, поддерживал дружеские отношения с его директором Фаягуль Фарраховной

Азнаевой. У Алевтины с мужем была машина, на которой они с Геной объездили всю Башкирию, пещеры, водохранилища. Часто бывали в краеведческих музеях сёл Фёдоровки, Воскресенского, дружили с сотрудниками. Бывали в местах, где когда-то стояла деревня Веровка. Теперь там безлюдное раздолье, степь.

Любил Геннадий и поработать на дачном участке сестры. В 2004 году, когда он был в Мелеузе в последний раз, удался большой урожай яблок. Несколько мешков яблок привезли на машине домой. Алевтина с мужем жила уже в посёлке сахарного завода, в маминой квартире. Геннадий взвалил на спину мешок с урожаем и понёс к дому. Алевтина пробовала его остановить. Но брат переносил все мешки с явным для него удовольствием, сказались крестьянские корни. Уезжал в Москву из Мелеуза на поезде и взял немного яблок – на дорогу. В Москву яблоки не вёз, знал, что там этим гостинцам будут не рады.

Каждый год в Мелеузе Геннадия Петровича ждали не только родственники, но и друзья, знакомые, и даже соседи. Алевтина Петровна регулярно оповещала о приезде брата. Геннадий был общительным, умел слушать, мог дать дельный совет или помочь. Его до сих пор помнят старожилы дома по улице им. Маяковского, где и теперь живёт Алевтина, где с 1967 года, до самой смерти жила и Анастасия Васильевна.

Геннадий всегда звал Алевтину в Москву. В 1984 году сестра решила съездить в гости к брату. Геннадий объездил с Алевтиной многие интересные места в столице, старался больше показать, да и просто пообщаться с сестрой. До последних дней в рабочем кабинете учёного висел портрет сестры, сделанный Геннадием.

С сестрой Алевтиной

с внучкой Анастасией

**Геннадий Вдовькин с братом Василием
и сестрой Алевтиной**

Рисунок сестре не подарил, сказал, что плохая примета, но фотографию кабинета с памятным рисунком привёз в Мелеуз – Але на память.

Увлекаясь рисованием со школьных лет, Геннадий Петрович до конца жизни сохранил пристрастие к любимому занятию. В его квартире и кабинете всегда можно было увидеть рисунки хозяина.

Последние годы жизни Геннадий Петрович болел, не мог приехать на свою малую родину, в Мелеуз. Скончался Г. П. Вдовькин 14 октября 2010 года, кремирован и похоронен в Москве.

**Г. П. Вдовькин
с дочерью Ольгой**

Жена и дочери Г. П. Вдовькина

С сестрой на месте бывшей деревни Веровка

А я про тихую, а я про скромную и очень трудную судьбу людей...

(Семья Шиблевых)

В нашем городе есть немало улиц с интересной историей, известными людьми, красивых, благоустроенных. Но у каждого мелеузовца имеется своя любимая, чем-то дорогая для души улочка, переулок. Одна из таких улиц – имени Карла Маркса. Просто подомашнему уютная, тихая, зеленеющая берёзами и рябинами, цветами в палисадниках, со скамеечками у ворот. Зимой утопает в шикарных сугробах с узенькими тропками, когда ярче смотрятся резные наличники и карнизы.

Ещё недавно, каждый раз проходя по улице в спешке повседневных дел, невольно останавливались около старой мельницы купца Герасима Попова, полуразрушенной, но ещё добротной, крепкой, поражающей своею основательностью и прочностью. Сегодня её уже, к сожалению, нет. Не время разрушило, а люди.

Но наш разговор не о том. Рядом, сколько себя помнят старожилы улицы, стоит дом. Деревянный, красивый, ухоженный. И живёт в нём интересная женщина, удивительная, талантливая. Только переступаешь порог калитки и попадаешь в иной мир. Мария Ивановна Гришина (Шиблева) – оригинальный человек, и всё, что её окружает, тоже необычно. Старинная резная мебель, вазы, статуэтки, картины... А вот о картинах стоит сказать отдельно. Талант к рисованию у Шиблевых потомственный, семейный. Хорошо рисовал и брат Марии Ивановны – Вениамин. Сестра с трепетной бережностью хранит его картины, покрытых паутиной трещин, но завораживающих живостью и выразительностью восприятия.

В доме много живописных работ самой хозяйки, написанных маслом. Они ещё ждут достойной оценки профессиональных мастеров кисти. Но всем, кто видел эти картины, они, безусловно, нравятся.

А ещё в этом доме живёт история, история семьи Шиблевых, с человеческими горестями и радостями. Прадед Марии Ивановны, Сергей Константинович Шиблев, живший в далёком для нас 19 веке, был человеком грамотным, что по тем временам было явлением редким. Помещик из Оренбургской губернии Ипполит Шотт, расширяя свои владения, прикупил земли с богатыми лесами и в нашей местности. На должность приказчика, управляющего лесами, ему нужен был человек, владеющий грамотой. Выбор пал на Сергея. Так Шиблев Сергей стал человеком не только уважаемым, но и обеспеченным. Охраняя леса, он и ухаживал за лесными массивами. Сам из крестьян, зная нужды деревенского мужика, разрешал валить древесину при прореживании засадки, сухие, больные деревья. По воспоминаниям, Сергей Константинович не злобствовал,

**Анастасия Михайловна (Никитина)
и Иван Николаевич Шиблевы
Фото 50-х гг.**

употреблял свою власть с умом и выгодой для себя и жителей своей деревни Конарёвка.

Накопленные средства не растерял и при Советской власти. Вместе с письмом к Сталину отправил и крупную сумму денег – на строительство парохода и просил судно назвать своим именем. Глава правительства страны Советов просьбу честного человека уважил. Сергей Константинович даже ездил на торжества пуска на воду теплохода с его именем.

Сын его Николай, слыл человеком зажиточным, но не жадным. Имея лошадей, коров, овец, птицу, он держал и пасеку. На праздники, когда в соседнем селе Мелеуз на церкви звонили колокола, Николай, зная в какой семье много детей и большая нужда, ставил на крылечко кринку мёда, проходя тихо перед рассветом по деревне.

У самого в семье было пятеро детей. Но душа больше болела за Ивана – единственного сына. Стал отец замечать, что Ванюша, набив карманы пшеном, бежит на кладбище. Пшено в те времена было одним из основных продуктов питания. Мать Вани, первая жена Николая, умерла при родах, и мальчик часто бегал на могилку матери, сыпал пшено на земляной холмик и просил маму вернуться.

Елена Ивановна Шиблева

Но шло время. Иван вырос и со своей семьёй отделился от отцовского дома. В годы гражданской войны Иван Николаевич воевал на стороне власти Советов и в Оренбуржье, и в Туркестане. Как-то в перерыве между боями, узнал, что где-то рядом видели Василия Фёдоровича Наседкина, мужа двоюродной сестры и печатавшегося уже в то время поэта. Разыскав его, обнялись, разговорились, вспомнили родных, свою деревню. При расставании Василий попросил у Ивана пару чистого белья. Иван дал.

– Ваня, наш отряд пойдёт сегодня ночью мимо оврага, – сказал Наседкин, – Ты запряги лошадь и жди меня там.

Понял Иван, что хочет Василий передать письмо – весточку своим родным в деревню. Ждал всю ночь. Но и на другую ночь отряда

красногвардейцев не было. Так и не удалось свидеться им больше никогда. Кто мог знать, что эта встреча была последней? Ведь оба были молоды и впереди, как казалось, была долгая жизнь. Василия Фёдоровича Наседкина расстреляют в 1938 году по обвинению в «террористических намерениях», как друг и близкий родственник Сергея Есенина.

Нелегко сложилась судьба и у Ивана. Его отца, Николая Сергеевича, в годы коллективизации новая власть признала кулаком. Он был арестован и увезён из деревни. Больше о Николае Сергеевиче Шиблеве ничего не известно. А семью его выслали работать на лесоповал. Старшую дочь придавило на смерть сосной, мать умерла от непосильного труда и голода. Однажды она просто не смогла встать и просила дочерей идти на смену без неё. А когда дети вернулись, то увидели труп матери с отгрызенной крысами головой. Что пережили эти дети!? Девочек Лизу, Веру и Евдокию вывезли из

лагеря в детский дом города Орска. Позднее они вернулись в деревню и жили в семье Ивана, учились, работали., но до самой смерти в них жил страх перед властью, законом. Очень редко и скупо говорили о том времени.

Иван Николаевич Шиблев, хоть и сражался в рядах Красной Армии, тоже был признан кулаком и раскулачен. То, что его посадили в тюрьму в Стерлитамаке, оказалось не самым страшным.

С подворья увели скотину, конфисковали домашний скарб, зерно, муку, картошку. В момент, когда в дом явилась комиссия сельсовета, жена Николая Анастасия испекла хлеб, и он, ещё горячий, остывал в печи за заслонкой. Сладостный хлебный аромат пленял детей – Елену, Клавдию, Венечку, Иллариона. Они разревелись, когда незваные гости забрали даже этот каравай. Только самый младший, пятый, мирно спал в колыбели. В доме не осталось ничего съестного. Для семьи Шиблевых начался страшный голод. Анастасия слегла от горя и потрясения, не могла не только встать с лежанки, но и говорить.

Вскоре Илларион и младенец умерли от голода. Старшим пришлось побираться по чужим людям. Кто-то сунет детям украдкой кусок хлеба или картошку, кто-то спустит собак. К семьям раскулаченных крестьян тогда относились недоверчиво, боялись преследований, а кто-то откровенно ненавидел «кулацкое отродье». Старшая, Елена, нанялась пасти телят. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь не бросил в неё злобное: «кулачка». Придя домой, она пыталась мать, что означает это непонятное слово.

Неисповедимы пути судеб человеческих. Думал ли Иван Николаевич, что впереди его ждут беды не меньшие? Здание тюрьмы, где он отбывал наказание сам не зная за что, загорелось. Немногим удалось выжить в том страшном пожаре. Иван с сокамерником выломали решётку на окне и, связав верёвку из одежды, спустились в тюремный двор и сбежали. Тайно вернувшись в деревню, жил в своём доме на чердаке. По ночам, не хозяин своего дома, ходил в поле собирать мёрзлую картошку и колосья. Но соседи заметили, выследили и сдали властям. На колхозном собрании Ивана, или, по деревенскому прозвищу Антончика, судили как кулака, бежавшего от наказания. Из райцентра, из Мелеуза, приехал «большой человек», оперуполномоченный. Представитель власти всё собрание молчал и слушал, а в конце, когда ему предоставили слово, подошёл к Ивану, обнял его и спросил:

– Ванюшк, ты меня узнаёшь?

Иван, до этого обессиленный, запуганный и безучастный к происходящему, вдруг встрепенулся на знакомый голос, всмотрелся в лицо, но не мог вспомнить знакомого-незнакомого человека. А оперуполномоченный стал рассказывать Ивану и собранию, как они в одной роте воевали в гражданскую с белогвардейцами, и как бежали от белочехов. Спаслись тем, что прыгнули вместе с высокого моста в замерзающую полынью реки.

**Анастасия Михайловна Шиблева
с дочерьми Клавдией и Еленой
Фото 26 мая 1951 г.**

Погони не было, так как выжить им было нереально. Но они выжили, может быть и для того, чтобы вот так, нерадостно, встретиться вновь. Так стояли они, два солдата, поделившие смерть на двоих, и, обнявшись, плакали.

После этого случая семью Ивана Шиблева оставили в покое. А тут началась коллективизация. Иван первым сдал свою корову в колхозное стадо и стал колхозником. Работник из него получился хоть и добросовестный, но малосильный – после всех потрясений страдал жестокой астмой, задыхался, душили приступы кашля.

Жена Анастасия была в колхозе телятницей. По началу дали ей нескольких телят, худых, больных, грязных. У многих телятниц такая скотина не выживала. Но Настя знала, что её семья, как бывшая кулацкая, на особом учёте в сельсовете. И если падёж случится у неё, то могут вспомнить и старое. Привела она своих телят на реку, завела в воду и помыла. На берегу натоптала глины и обмазала телят. На солнце, пока скотинка щипала траву, глина высохла и отпала, а вместе с ней отпала и въевшаяся грязь, и блохи. Каждый день Настя водила свою живность к реке, мыла, поила, пасла. Телята ожили, весело замахали хвостами. В колхозе Анастасию Михайловну похвалили, отметили. Как-то стала налаживаться жизнь. Семья переехала в село Мелеуз, купили маленький домик с земельным участком на улице им. К. Маркса. Родилась ещё одна дочь – Мария.

Но все планы нарушила Великая Отечественная война. Ивана, как и других мелеузовцев, забрали на фронт. Но вскоре его комиссовали по состоянию здоровья.

Дом Шиблевых, находясь возле мельницы, всегда принимал постояльцев из колхозов, окрестных деревень, привозивших на подводах зерно, подсолнух, коноплю на переработку. На мельнице не только мололи муку, но и били масло подсолнечное, конопляное. Пленительный запах масла стоял по всей округе.

«В колхозах выращивали коноплю. Зерно у этого растения мелкое, поэтому и масло конопляное ценилось больше. А масло из конопли зелёное, густое, со специфическим запахом», – вспоминает Мария Ивановна. «В голодные годы войны мы, дети, бегали на мельницу за очищенными семечками подсолнуха. Придём и стоим у рушилки – шелуха летит по сторонам, а мы, оттопырив карманы, просим: «Дядь, насыпь зёрнышки». Никогда не отказывали. Ещё любили маслёнку – шарики из дроблённого зерна, серого цвета. После долгой варки маслёнки становятся коричневыми, и тоже вкусные, пахнут жареным. Когда очень хочется есть, то даже прессованный колоб – остаток от зёрен после отжатия масла, кажется аппетитным и сытным», – Мария Ивановна вздыхает и задумывается.

Удивительно, но пожилая женщина рассказывает весь технологический процесс получения подсолнечного и конопляного масел холодным и горячим способом. А комментарии процесса просто поражают! Вкусы, запахи, цвета, всё перемежается с личными впечатлениями голодного ребёнка. Они, дети войны, ещё умудрились делиться гостинцами с мельницы с эвакуированными ребятами из Испании. Первоначально испанских детей поместили в доме, недалеко от мельницы и соседняя ребятня, сами не наедаясь до сыта, несли колоб, зёрна, а то и жмых от подсолнечника, испанским друзьям. Вместе играли, дружили.

С началом войны старшая дочь Ивана и Анастасии – Елена, была призвана в трудовую армию и работала на оборонном заводе в г. Уфе, - вытачивала гильзы. Работали по 12 часов, без выходных, жили в холодных бараках по 500 человек, спали на нарах в несколько ярусов. Выдавали по 400 грамм хлеба в сутки, а растущему детскому организму всегда хотелось есть. Каждое утро из бараков на подводах увозили умерших за ночь. Как-то приехала навестить дочь Анастасия, и, увидев штабеля трупов на телеге у барака,

удивилась и напугалась. А Елена, видевшая это каждый день, спокойно сказала:

– Ничего особенного, завтра и меня могут так увезти.

Анастасия привезла дочери сушёную морковь и высушенные картофельные очистки. Это было самым дорогим гостинцем.

Есть хотелось всегда. И сладкой мечтой было посолить кусочек пайкового хлеба. Как-то подруги уговорили Елену ночью сбежать на железнодорожную станцию – там часто из вагонов крали соль. Счастливая Елена спать легла под утро, положив под голову кусок комковой соли. Но ещё до подъёма на смену, её разбудили и отругали за то, что писать надо не в постель, а в отхожее ведро. Девочка ничего не понимала. Но когда увидела, что её «соль» потекла, всё поняла – она принесла кусок льда. Как было обидно!

А ещё обидней было то, что военнопленным немецкой армии, которые работали вместе с подростками на заводе, выдавали хлеба по 700 грамм. На токарном станке вместе с Еленой работал молодой немецкий парнишка. Как-то, передавая ей смену, он положил на станок кусочек хлеба и робко подвинул его к девочке. Елена, не взяла, побоялась, ведь общение с пленными жестоко наказывалось.

Всю войну проработала Елена на заводе. А когда весть о Победе прервала работу на производстве, подростки, молодёжь, были уверены, что это конец их непосильной работе и можно возвращаться домой. Все кинулись на железнодорожную станцию, к вагонам. Но тут прибежал комсорг. Он понимал этих людей и чисто по-человечески жалел их. Но вынужден был остановить эту людскую лавину, почти не управляемую, ошалевшую от радости и свободы. Крики, приказы не остановили их. Комсорг, как последнюю меру, вынул пистолет и несколько раз выстрелил в воздух. Все замерли.

– Если война кончилась, это не значит, что можно не работать и покидать рабочие места! Надо восстанавливать разрушенное, а значит – работать ещё больше! – дико кричал представитель власти.

И работа по режиму военного времени на заводе, как и по всей стране, продолжалась. Но многим стали давать непродолжительные отпуска, увеличился хлебный паёк. Елена, получив несколько дней на отдых, приехала домой, в Мелеуз. Но радость сменилась горем – Елена заболела тифом. Сказались хроническая усталость, недоедание, тяжелые физические нагрузки, холодный барак... Жизнь 20-летней девочки висела на волоске. С часу на час ждали смерти. И тут совершенно не ко времени (а, может, и кстати, – кто разгадает загадки судьбы?) приехала из Уфы делегация за сбежавшей от трудовой повинности комсомолкой, дезертиром. Иван сидел во дворе, и, кажется, уже смирился с потерей дочери:

– Идите, забирайте, если сможете, ей недолго осталось...

Увидев Елену в тяжелейшем предсмертном состоянии, комсомольцы молча ушли.

Мария Ивановна Гриппина (Шиблева)

А спас Елену случай. Только завезли в село Мелеуз из Уфы лекарство от тифа. Уже безнадежно больной стали делать уколы и молодой организм справился с болезнью. Бывают и такие чудеса. Елена выздоровела и пошла работать на Мелеузовский молочно-консервный завод. Впоследствии Елена Ивановна вышла замуж, с мужем воспитали двух дочерей.

Мария Ивановна, перелистывая семейный альбом, взяла в руки газетную вырезку о Василии Наседкине и, задумавшись, вспомнила:

– Как-то прибежала я из школы, а по радио читают стихи Василия Фёдоровича. Я бегу к маме:

– Мама, он же нам родственник, ты его знала!

Но Анастасия Михайловна осадилась дочь:

– Не говори о нём вслух, нигде, ни с кем, и в нашем доме тоже.

Маша тогда не поняла запрета мамы, а позже узнала, что их родственник, известный поэт, был репрессирован и расстрелян. А родители Марии Ивановны ещё живо помнили раскулачивание, ссылки на лесоповал, преследования властей, ненависть односельчан... Анастасия и Иван настолько были напуганы, боялись за детей и родных, что имя Наседкина в доме никогда не произносилось. Сегодня Мария Ивановна даже не знает родственников со стороны поэта, не знает родных, связывающих её семью с семьёй Наседкиных. На книжной полке у неё стоит томик стихов В. Наседкина, это тоже семейная реликвия, память...

Память... Она живёт в каждом уголке дома Марии Ивановны. На стенах картины её и Вениамина, старые фотографии. Старинная мебель, которая переходила в этом доме от одного поколения семьи к другому, реставрированная руками хозяйки, и даже печь, оформленная под камин.

Все дети Ивана и Анастасии выросли и стали хорошими людьми. Самая младшая, Мария, и сегодня живёт в родительском доме, храня воспоминания.

Надеемся, что в этом скромном, уютном доме по улице Карла Маркса, всегда будет жить добро, радость, красота. Жалко только, что картины Марии Ивановны пока мало кому дарят радость общения с прекрасным, хотелось бы увидеть их в выставочных залах, картинных галереях. А, впрочем, история семьи Шиблевых ещё не закончена. Поживём – увидим.

Родник из военного детства

(Михаил Григорьевич Пильнов)

«Живая вода – вода из родников
твоего детства».

М. Пильнов

Детство, детство... Как оно далеко, и как близко для тех, кто достиг преклонного возраста. Метаморфозы памяти возвращают нас в конкретный день и час, казалось бы, уже забытых детских лет. А военное детство, это не только часть жизни, это – вся жизнь, берущая начало в военном лихолетье. А ещё – это сны, воспоминания и последние радости на склоне лет. И видится Михаилу Григорьевичу Пильнову то ли в бессонную ночь, то ли наяву в бесконечно тянувшемся тоскливом дне, родник у деревни Дмитриевка. Родник как родник – вроде, ничего особенного. Ныне заброшен, неухожен... А для тех мелеузовских мальчишек и девчонок, кто в военные годы работал здесь на колхозных полях, нет слаще воды и горше воспоминаний, черпаемых из того родничка.

Конец лета – начало осени 1942 года. Над колхозным полем, что раскинулось за деревней Дмитриевкой, последние тёплые дни, а по ночам – лёгкая изморозь, холодный туман. Старшеклассники мелеузовской средней школы работают в полях за взрослых, ушедших на фронт, вручную выкапывают картошку. Среди них и Миша Пильнов, щуплый, небольшого росточка. Мальчишка работающий, смыслённый, хоть и любит пошутить, завести подвижные игры, без злого умысла пошалить. Заводила и лидер у сверстников, показывал пример и в работе. Под его началом поставили палатки, выбрав место у родника. А вода в том роднике – особенная, сладостная. Работа – с раннего утра до темноты, без выходных – надо успеть до заморозков убрать урожай. Потекли обычные трудовые будни, где одна радость – вечерний костёр и печёная картошка, припасённая с колхозного поля, да чай на травах с родниковой водой. Ели картошку, пели военные и мирные песни, шутили, влюблялись...

Только заметил как-то вечером Миша, что педагоги, обычно строгие, что-то шёпотом в стороне обсуждают и с горестью, болью смотрят на него. Случайно Миша узнал, что мама получила на отца похоронку. Похоронка... Страшное, злое, несправедливое слово. Оно засело в голове мальчика и билось, билось в виски, не умаясь в сознании: «Неправда, не может быть, отец жив, это недоразумение, ошибка!». Михаил, только что весёлый с товарищами, вмиг стал старше, серьёзнее, взрослее. Быстро сообразив, что надо делать, побежал к роднику.

Миша Пильнов, 14 лет

Михаил Пильнов, 1950 г.

Припал губами к холодной воде и удивился, какая она безвкусная, неприятная... Не предупредив никого, мальчишка бежит в сторону Мелеуза. О том, что уклонение от трудовой повинности по законам военного времени приравнялось к дезертирству, не думал. В селе уже нет огней, со всех сторон темнота, перекопанные поля, босые ноги вязнут в холодной земле... До дома вёрст десять.

Лишь на востоке забрезжило небо, Миша, запыхавшийся, растерянный, подбежал к своей калитке. Подбежал и не смог её толкнуть, зайти во двор: «А вдруг это правда и отца уже нет?! Что с матерью? Нет! Не верю, не могу, не имею права верить в жестокую весть!...». Мать, увидев сына, напугалась:

– Миша, как ты здесь, беги обратно, тебя потеряют и могут строго наказать. Беги!

– Мама, это правда? – Миша не мог произнести страшного слова «похоронка».

– Миша, беги обратно, беги! – женщина дрожащей рукой суёт в карманы сына сухари, заботливо сбережённые для него. Голос дрожит, срывается, в глазах прячет слёзы.

– Мама, правда?

– Миша, беги!

Мальчик, ничего не понимая, не успев отдышаться, бежит назад. Как добрался до родника у Дмитриевки, не

помнил. Но этот день из своего военного детства запомнил навсегда.

К счастью, отец Михаила вернулся с войны живой, хоть и с боевыми ранениями, с подорванным здоровьем.

Много лет спустя, Михаил Григорьевич, сам в 16 лет в 1943 году надевший солдатскую шинель, проезжая с сыном Леонидом мимо деревни Дмитриевка, попросил остановиться у родника.

– Папа, родник запущен, из него нельзя пить...

– Останови, сынок.

Тяжело спустившись к роднику, капитан в отставке опустил на колени и заплакал... Сейчас он был 14-летним мальчишкой, не верящим, что потерял отца. А вода в роднике тоже плакала... И была она в ладонях старого человека солоноватой, как слёзы, слёзы из далёкого военного детства...

Незадолго до смерти Михаил Григорьевич попросил сына привезти воды из того родника:

– Хочу, может быть, в последний раз, попить той воды. Особенная она, сладостная

Михаил Григорьевич Пильнов
Фото 2014 г.

Маленькая история большого фильма

(Михаил Григорьевич Пильнов)

Каждый из нас за короткую ли, долгую ли жизнь просмотрел множество кинолент самого разного жанра. И у каждого, конечно, есть свои любимые фильмы, актёры, режиссёры...

Безусловно, хороших фильмов много, но я хочу рассказать тебе, читатель, о документальной киноленте, которую пока просмотрели немногие, но те, кто её видел, запомнили и не остались равнодушными.

Часть 1. В начале была идея

Моё повествование об истории создания фильма «Полуторка», снятого Мелеузовской народной любительской киностудией «Зёрнышко» в 1984 году. Авторы фильма Михаил Григорьевич Пильнов и Николай Фёдорович Дрямов – известные в нашем городе люди. Думаю, не стоит пересказывать содержание ленты, посвящённой Калимулле Абдулловичу Ибрагимову, поколесившему по военным и мирным дорогам на своей полуторке – грузовике ГАЗ-АА. Просто настоятельно советую всем его посмотреть.

А хочу я поведать тебе, читатель, маленькую историю некогда знаменитого на всю нашу страну, фильма. Узнала я её от Михаила Григорьевича и Николая Фёдоровича – создателей киноленты, которая стала в 1985 году лауреатом фестиваля любительских фильмов в Москве и демонстрировавшейся в 1986 году по центральному телевидению СССР.

Л. М. Пильнов, Н. Ф. Дрямов,
М. Г. Пильнов

В начале была идея. Идея сделать фильм о полуторке и её водителе, вместе проехавших немало военных дорог. М. Г. Пильнов, в прошлом сам фронтовой шофёр, какое-то время работал в «Автоколонне №1839» (ныне автотранспортное предприятие-филиал государственного унитарного предприятия «Башавтотранс») с Калимуллой Абдуловичем Ибрагимовым, возглавившем первую автоколонну из 100 полуторок из Мелеуза на фронт в июне 1941 года.

Главными героями фильма стали Калимулла Абдуллович и грузовичок-фронтовичок, что ясно и по названию фильма. Приближалось 40-летие Победы в Великой Отечественной войне. Уже давно отгремели бои, пришло новое послевоенное поколение и людей, и машин. Даже на автотранспортном предприятии «Автоколонна №1839», где ГАЗ-АА в военные годы составлял основу автопарка, на тот момент не сохранилось ни одного грузовика.

К. А. Ибрагимов, М. Г. Пильнов

покрыта первым ледком. И вдруг в рабочем кабинете заместителя редактора местной газеты «Путь Октября» Пильнова телефонный звонок:

– Михаил Григорьевич, собирайся! Нашёл полуторку! В Кугарчинских лесах, в деревне. Взамен поедет ГАЗ-51, после капитального ремонта, – радостно кричит в трубку Семён Макарович Масютин.

Следом зазвонил телефон у Дрямова:

– Коля, собирайся, завтра поедете в Кугарчинский район. Водитель опытный, с автотранспортного предприятия. Бензином заправят, возьми кинокамеру, будешь снимать, – взволнованно сообщил Пильнов, ещё не веря в удачу.

**М. Г. Пильнов, Р. И. Кильмаматов
К. А. Ибрагимов**

Авторами фильма в поисках машины пройдены все предприятия города. А сколько гаражей, подвалов, свалок обследовано! И вдруг – кто-то подсказал, что такая машина имеется в сарае ветеринарной лаборатории. Но, увы, опять мимо: автомобиль недавно сдали на металлолом и следы его затерялись. К поискам присоединился директор «Автоколонны №1839» Семён Макарович Масютин. И ведь нашли-таки они свою полуторку! И где! На границе с Оренбургской областью, в захудалой деревушке, во дворе колхозника-фронтовика.

Холодная, дождливая поздняя осень 1983 года. Снег с дождём, дорога

Ранним утром следующего дня водитель, как он просто представился, Володя, вместе с Николаем Фёдоровичем выехали из гаража «Автоколонны №1839» на заправку. Залили полный бак. В кабине тепло, ГАЗ-51 после капитального ремонта идёт сильно, ходко. Да и день тот выдался солнечным, ясным. До нужной деревни доехали быстро, нашли нужный дом.

А за низенькой калиткой, во дворе... Во дворе стояла... ОНА! ПОЛУТОРКА! Настоящая, родная, военная, с выбоинами от пуль и осколков снарядов на деревянных бортах, да ещё и на ходу! Гостей

встретил хозяин солидного возраста, с бородой, немного глуховатый. Увидев ГАЗ-51, который предназначался для обмена на полуторку, обомлел. «Как он «танцевал» вокруг новой машины! И обнимал её, и гладил, и разговаривал с ней! А как же иначе можно встречать «невесту»?», - с улыбкой вспоминает Николай Фёдорович.

Водитель ГАЗ-51 и оператор были поражены этим свиданием. Бывший фронтовой шофёр забрался во все уголки машины, прощупал все винтики, обласкал со слезами на

глазах, и, дрожащим голосом напевая «Песенку фронтового шофёра», долго копался под капотом. Как это «невесту» и не посмотреть!?

Весь процесс знакомства и обмена снимался на киноленту, Николай Фёдорович не выпускал из рук кинокамеру, понимал важность момента. К сожалению, эта лента затерялась за давностью лет.

А попала полуторка сюда, в глубинку, очень прозаично. Машину подарил передовому колхознику, бывшему военному шофёру, колхоз. В крестьянском хозяйстве грузовик перевозил солому, корма, - да мало ли каких нужд на сельском подворье. Сельсовет грузовик списал, а его водитель, не желая расставаться с баранкой военного грузовика, попросил машину на металлолом не сдавать, а оставить ему, ведь полуторка стала для него частью души. А за это колхозник обещал помогать односельчанам с перевозкой дров, сена и прочей деревенской необходимости. Не обошлось без казуса: госавтоинспекция объявила, что грузовой автомобиль иметь в собственности частному лицу нельзя. Но сметливый крестьянский ум и здесь нашёл выход из положения. Кузов был укорочен, в следствии, грузоподъёмность машины уменьшилась, на заднем мосту вместо четырёх колёс осталось два. И, так как модификация грузовика теперь не соответствовала техническим требованиям, предусмотренным заводом-изготовителем для ГАЗ-АА, грузовик превратился в легковое авто.

Вот такую интересную полуторку и нашли авторы будущего фильма. Отдавать или продавать эту машину хозяин первоначально отказался – всё-таки подарок, да и о военных буднях дорогая память. Но Семён Макарович, сам бывший фронтовой водитель, пошёл на хитрость, изыскал возможность бартером обменять полуторку на ГАЗ-51 - более современную модификацию грузового автомобиля. Каким образом по документам в автопарке Мелеузовского автотранспортного предприятия вместо ГАЗ-51 в отличном техническом состоянии, появилась старая переделанная полуторка, нам никогда не узнать, да и не надо. Только, думается, что ещё не одно будущее поколение мелеузовцев скажет слова благодарности Семёну Макаровичу.

Как ехали обратно, Николай Фёдорович помнит хорошо. Перед тем, как завести двигатель полуторки и вывезти её со двора, теперь уже бывший её хозяин, заботливо проверяет наличие в баке бензина. Горючего залит полный бак, но чувствуется, что расставаться с фронтовым другом ему тяжело, тянет время, заботливо открывает крышку бензобака, который у полуторки находится перед лобовым стеклом, и опускает в него кнут для лошади, подвернувшийся под руку.

И вот уже просёлочная дорога, колхозные поля... В биографии полуторки, поколесившей по военным и мирным дорогам, началась новая страница. Теперь ей предстояло стать героиней фильма, подняться на пьедестал. А потом, каждый год, в День Победы, проезжать в торжественной колонне.

Деревянные дверцы водительской кабинки крепились на проволоке. В салоне полуторки гулял ветер. Ехали долго, машина не брала больших скоростей, старенький

М. Г. Пильнов, Р. И. Кильмамамов

уставший мотор часто глох. Хорошо, опытный водитель взял предусмотрительно запасные части на грузовик. Первая остановка получилась недалеко от деревни – порвался ремень вентилятора. До Мелеуза останавливались для ремонта на скорую руку несколько раз. Сильно замёрзли. «Шалили» педальные тормоза, пользовались только ручным тормозом. И все, кто обгонял полуторку и ехал по встречной полосе, махали руками и кричали приветствия. Некоторые останавливались и просили поглядеть машину, посидеть в кабине, покрутить баранку, посигналить клаксоном. Разрешали, конечно.

Вот так и приехала к нам в Мелеуз своим ходом, теперь уже наша полуторка.

Часть 2. Задумано - снято!

«А теперь дело стало за малым, - как сказал Михаил Григорьевич, - снять фильм».

На автотранспортном предприятии полуторку реставрировали: провели ремонт, отмыли, покрасили. Уже при новом директоре К. К. Маматказине на машину «одели новый мундир», как выразился М. Г. Пильнов.

**Р. И. Кильмаматов, М. Г. Пильнов
Н. Ф. Дрямов**

Рабочая группа состояла из Калимуллы Абдулловича Ибрагимова – одного из главных героев фильма, Михаила Григорьевича Пильнова – режиссёра-постановщика, Николая Фёдоровича Дрямова - оператора и учеников из киностудии «Зёрнышко», присутствующих в качестве ассистентов. Как ни странно, известный впоследствии на всю страну фильм, был сделан за две недели. Работали с раннего утра до позднего вечера, практически без выходных. Съёмки

проводились в Мелеузе, на колхозных полях, на току колхоза «Нугуш». Сценарий, написанный М. Пильновым, обсуждали коллегиально, спорили, корректировали.

Сниматься в документальном фильме Калимулла Абдуллович согласился сразу. Он уже принимал участие в съёмках фильма под Москвой в качестве водителя полуторки, в массовых сценах. Николай Фёдорович в кинопрокате просмотрел множество документальных фильмов о Великой Отечественной войне, выбирая кадры с полуторкой.

Некоторые эпизоды фильма сняты без предварительной подготовки и задумки. Например, когда полуторка стояла на улице им. Ленина без водителя в кабине, на подножку забралась местная ребятня. Мальчишкам было страсть интересно – что внутри, какие приборы, а уж порулить-то как здорово! Опытный оператор Н. Дрямов быстро заснял момент, который потом без возражений вошёл в фильм. Или, кадр, когда полуторка остановилась на обочине дороги в полях, и водитель поднял капот, чтобы исправить неполадку. На самом деле двигатель полуторки часто глох, изношенный механизм давал знать частыми поломками. Приходилось на ходу латать, а где и на буксир брать машину. Все эти реальные сцены логично вошли в фильм.

В эпизоде на зернотоку грузить полуторку зерном не решились, обошлись комбинированными съёмками. Безусловно, в фильме присутствует и имитация, и немного творческого вымысла. Зритель может об этом догадываться или не заметить, но впечатление у каждого, кто смотрит киноленту, создаётся именно то, какое задумано авторами.

Руководство «Автоколонны №1839» выделило для съёмок «Москвич» без верха, куда установили штатив и камеру. Оператору приходилось делать съёмки и с крыши 9-ти этажного дома. А эпизод, когда зритель заглядывает под днище грузовика, снят оператором из смотровой ямы, находящейся при выезде с территории автотранспортного предприятия.

**Н. Ф. Дрямов, М. Г. Пильнов
Р. И. Кильмамамов**

Отснятый за неделю рабочий материал авторы повезли в Уфу, руководителю республиканской киностудии «Урал» Рамилу Исмагилову, курирующему любительскую киностудию «Зёрнышко». Просмотрели многие метры киноплёнки, обсудили, наметили дальнейшие планы. Через несколько дней Рамиль Исмагилович звонит в Мелеуз, просит к приезду своей съёмочной группы подготовить полуторку с полным баком бензина, предупредить К. А. Ибрагимова. Совместная работа двух съёмочных групп – из Мелеуза и из Уфы, продлились почти неделю. Затем монтаж, озвучивание...

Вот так, на первый взгляд, просто и буднично родился легендарный фильм «Полуторка», вписавший славную страницу в историю Мелеуза. Вот эта самая полуторка ежегодно участвует в парадах Победы 9 мая в нашем городе.

Если тебя, читатель, заинтересовала рассказанная история, обрати внимание на укороченный кузов и два задних колеса нашей героической полуторки и обязательно посмотри любительский фильм о ней.

Библиография

1. Вдовыкина, А. П. Воспоминания [Текст] / А. П. Вдовыкина; записала Т. А. Веревкина. – Мелеуз, 2016. – 3 с.
2. Дрямов, Н. Ф. Воспоминания [Текст] / Н. Ф. Дрямов; записала Т. А. Веревкина. – Мелеуз, 2016. – 4 с.
3. Пильнов, М.Г. Воспоминания [Текст] / М. Г. Пильнов; записала Т. А. Веревкина. – Мелеуз, 2014. – 2 с.
4. Семейный архив А. П. Вдовыкиной
5. Семейный архив М. И. Гришиной
6. Семейный архив Н. Ф. Дрямова
7. Семейный архив Р. К. Ибрагимова
8. Семейный архив Е. А. Макаровой
9. Семейный архив Л. М. Пильнова
10. Архивные данные МАУК «Мелеузовский историко-краеведческий музей» муниципального р-на Мелеузовский р-н РБ.
11. Архивные данные Мелеузовского автотранспортного предприятия-филиала государственного унитарного предприятия «Башавтотранс».
12. Архивные данные Мелеузовской народной любительской киностудии «Зёрнышко».
13. Архивные данные «Стерлитамакский историко-краеведческий музей».
14. Земля Мелеузовская: былое, будни, будущее [Текст]: историко-информационный сборник к 70-летию р-на. – Уфа : Китап, 2000. – 304 с.
15. Макарова, Е. А. Воспоминания [Текст] / Е. А. Макарова; записала Т. А. Веревкина. – Мелеуз, 2016. – 2 с.
16. Морозов, Ю. Д. Сборник статей и рассказов по истории села Зирган [Рукопись] / Ю. Д. Морозов. – Мелеуз, 2013. – 59 с.
17. Пильнов Л. М. Воспоминания [Текст] / Л. М. Пильнов; записала Т. А. Веревкина. – Мелеуз, 2016. – 4 с.
18. Пильнов, М.Г. Сердце на колёсах [Текст]. – Мелеуз. – 2000. - 96 с.
19. Трошин, А. К. Выписки из документов Центрального Государственного Архива древних актов по истории г. Стерлитамака [Рукопись] / А. К. Трошин. Стерлитамак, 1992. – 150 с.
20. Чуриков, И. Его именем назван разлом [Текст] / Х. Рахматуллина // Путь Октября. – 2002. – 22 августа. – С.2.
21. Бакуров, В. Сердечное спасибо матери [Текст] / В. Бакуров // За урожай. 1960. – 18 декабря. – С.2.